

Подобные речи она слышала от малышки не раз и не два, и та всегда молча склоняла голову, не смея прекословить. Но на сей раз та вдруг подняла лицо, сжала губы, и на нём мелькнуло негодование: «У каждого своя сила. Я — женщина из глубины дворца, с детства училась лишь рукоделию да каллиграфии. Недостаток силы и слабость в стрельбе из лука — дело обычное. Даже Вы, Государыня, хоть и одарены небесным талантом, но будь состязание в силе или владении копьём с любым из стражников Цзинью — едва ли одолели бы. Однако эти деревенские мужланы, что на рынках бесчинствуют, а во дворец являются лишь силой хвастаться, — коли речь зайдёт о воинском искусстве или управлении областью — и на одну десятитысячную Ваших женщин-историков не потянут. К чему же Вам, снизойдя, сравнивать женщину-чиновника пятого ранга, кою Вы сами устами своими пожаловали, с этими грубиянами?»

Именно это умение малышки говорить она и ценила. Хотя та явно чванилась своим положением, слова её звучали взвешенно, да ещё и её саму изрядно польстили. Настроение её улучшилось, и она, сама того не замечая, носком туфли тронула руку девчонки: «Стало быть, по-твоему, и мне нечего усердствовать в стрельбе из лука?»

Малышка, разумеется, поняла её намёк и на сей раз не стала упрямиться, поддакнув: «Я полагаю, у каждого своё призвание. Вы несёте на себе тяготы правления Поднебесной и должны беречь своё драгоценное здоровье, дабы крепким телом держать бремя государства. Стрельба из лука — занятие второстепенное. Днём — для улады духа и укрепления тела, а вот ночью гоняться за утехами — негоже. Осмелюсь просить Вас поберечь свою священную особу, дабы не обмануть надежд множества народа».

— Резонно, — улыбнулась она, видя, как окружающие облегчённо выдохнули, и сама почувствовала лёгкость. Она состарилась, былой юношеской прыти не стало. Поболтать ночью с девчонкой, заняться чем-нибудь, чтобы усталость развеять, — это ещё куда ни шло. А вот на ночную охоту — уж нет.

В это время вошёл тот человек. Со стороны — вид самый заурадный, движения развязные и неотёсанные. Подойдя к ступеням, евнух, что вводил его, остановился и возвестил о нём с галереи. Тут бы ему почтительно склонить голову и ждать, а он, напротив, задрал её и начал озираться по сторонам. Увидев придворных дев у входа, его грубое лицо расплылось в наглой ухмылке.

Ванъэр с отвращением взглянула на него и, притворившись, что выходит по делу, спросила евнуха: «Кто это?»

Тот евнух редко видел Ванъэр и тут же заискивающе улыбнулся: «Человек, рекомендованный принцессой Цяньцзинь». Толкнул того под локоть: «Поклонись цайжэнь Шангуань».

Тот неловко шлёпнулся на колени, задрал лицо, уставился на Ванъэр и усмехнулся: «Цайжэнь Шангуань».

Ванъэр почувствовала, что отвращение лишь нарастает, с трудом сдержала порыв велеть вышвырнуть его взашей и, сделав вид, что припоминает, склонила голову набок, выдержав паузу, произнесла: «Вы — господин Фэн Сяобао?»

Фэн Сяобао тут же осклабился: «Цайжэнь знает моё имя?»

«Не только имя знаю, но и родню твою, и с кем водишься, и кто предки твои до скольких колен. Иначе думал, всякий может к Государыне на службу попасть?» — подумала Ванъэр, но на лице сохранила бесстрашие: «Вы — человек, рекомендованный принцессой Цяньцзинь, мы кое-что

слышали». Не желая продолжать разговор, она вежливо добавила: «Обождите немного, позвольте нам доложить Государыне». Развернувшись, нарочно замедлила шаг, подошла к столику, тихо поклонилась императрице У: «Государыня, человек прибыл».

Императрица У оторвалась от бумаг, на миг растерянно взглянула на Ваньэр, но тут же улыбнулась: «А, тот самый. Шустр же».

Ваньэр ответила: «Слышала, когда приказ передавали, он как раз снадобьями торговал на южной стороне моста Тяньцзинь, потому и явился быстро».

Императрица У с изумлением взглянула на неё: «На мосту Тяньцзинь торговал?» Тут же нахмурилась, швырнула в сторону свиток и, устало махнув рукой, подозвала Ваньэр. Та покорно подошла и принялась разминать ей плечи. С того момента, как в прошлом году отвергли предложение о проведении обряда стрельбы из лука, императрица У никак не могла забыть эту обиду. В нынешнем году она вознамерилась использовать свой день рождения, чтобы самой возглавить церемонию, и потому, как ни была занята, каждый день уделяла час тренировкам верховой езды и стрельбе. В её годы любое движение отзывалось ломотой, что уж говорить о таких усердных упражнениях? Потому Ваньэр специально обошла массажистов, иглотерапевтов и костоправов, кое-чему у них научилась и натренировала руки — на случай, если Государыне потребуется.

Кроме лекарей, во дворце, разумеется, водились искусные массажисты, но тех ещё велеть позвать надо, а Ваньэр всегда была под рукой в чертогах. Потому в последнее время императрица У и ленилась звать медиков, предпочитая, чтобы рядом была эта девчонка.

Ваньэр уловила на лице Государыни удовлетворение, и настроение её само собой улучшилось. Закончив с плечами, она плавно перешла к рукам, бросила взгляд на императрицу У. Та была расслаблена и довольна, невольно улыбнулась и кивнула, позволив Ваньэр размять обе руки, прежде чем лениво промолвить: «Введите того человека... Нет, пусть его проводят в малый чертог и ждут там. Смотрите, чтобы лишние глаза не видели».

Ваньэр приняла приказ, вышла распорядиться, а вернувшись, увидела, что императрица У снова склонилась над бумагами. Неведомо почему, в ней шевельнулась злость, и она, лишний раз ввернув, спросила: «Государыня всё ещё не желает его принять?»

Императрица У строго взглянула на неё, и Ваньэр поспешно опустила голову: «Уже поздно, если не принять сейчас, ворота дворца закроются, и вход/выход будет неудобно».

Императрица У фыркнула носом, бросила: «Переодеть», — и широко раскинула руки, позволив Ваньэр с несколькими служанками снять с неё коричнево-жёлтые одеяния и облачить в алые. Подумав, всё же велела Ваньэр поправить ей румяна и помаду, затем неспешно прошествовала в пристройку к Чертогу Сбора Бессмертных, что во дворце звалась «малым чертогом». Усевшись на ложе во внутреннем покое и оставив при себе лишь Ваньэр да двух-трёх ближайших служанок, она приказала ввести того человека.

Явился же Фэн Сяобао с совсем иной личиной. Речь его хоть и не была изысканной, но вполне пристойной, поклон отбил по всем правилам. Ваньэр, изумлённая, вспомнила, что его, видимо, основательно проинструктировала принцесса Цяньцзинь, и поняла, в чём дело. Однако на душе стало ещё противнее. Да и теперь, когда он вошёл внутрь, Ваньэр разглядела: мужчина видом хоть и не выдающийся, но станом очень дюжий. Даже кланяясь, он громоздился, словно гора, — её, хрупкую женщину, с ним и сравнивать-то было нельзя.

Не мудрено, что пришёлся он по нраву принцессе Цяньцзинь.

Ванъэр с ненавистью уставилась на него и вдруг заметила, что императрица У с этим Фэн Сяобао уже обменялись несколькими фразами. Этот мелкий торговец, с виду грубый, на деле оказался речист — настоящий прирождённый продавец. Сначала похвалил Государыню за молодость, потом за красоту, потом заявил, что о её мудрости и в городских низах наслышаны, и так далее, и тому подобное. Сумел-таки развеселить императрицу У, и та позабыла, что перед ней всего лишь уличный разносчик снадобий, а не владелец лавки на рынке, как представляла принцесса Цяньцзинь. Хотя между рыночным купцом и этим торгашом разницы, в сущности, и не было — оба плебеи, презренные в очах знатных родов.

— Моя сила на Южном рынке не знает соперников... — Фэн Сяобао, разошёвшись, поднялся с пола и замахал руками. А-Цин нахмурилась, уже собиралась сделать выговор, но императрица У, усмехнувшись, махнула рукой: «Я забыла велеть дать ему сидение. Принесите циновку».

А-Цин ничего не оставалось, как принести циновку и постлать впереди. Фэн Сяобао небрежно поклонился императрице У, уселся на циновку по-турецки и продолжил размахивать руками: «...Однажды пошли мы с ними за город на охоту, повстречали тигра. Эти бедолаги перепугались, кто куда — разбежались. Один аж с места двинуться не мог, на землю шлёпнулся, маму зовёт. Я же взял свою корзину со снадобьями, выставил вперёд, отдубасил того тигра да и прогнал. Теперь тот бедолага зовёт меня старшим братом Сяобао, издалека завидя — так и кричит...»

Императрица У фыркнула со смешком, и в смехе этой женщины лет пятидесяти прозвучала вдруг девичья задорная нотка. Ванъэр и Фэн Сяобао одновременно остолбенели. Ванъэр поспешно опустила глаза, уставившись на кончики своих туфель, а Фэн Сяобао, не таясь, выпалил: «Государыня — прямо как божество с небес сошла. За всю жизнь свою не видывал я такой красавицы».

Императрица У снова рассмеялась: «Сколько тебе лет-то отроду, чтоб о красоте судить? И откуда тебе знать, как божества выглядят?»

<http://bllate.org/book/16278/1467217>